
И. А. Летова
г. Екатеринбург

ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ НОВЕЙШИХ ПЕРЕВОДОВ ЕВАНГЕЛИЯ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Оживление религиозной жизни всегда сопровождается обращением к первоисточникам и увлеченной интерпретацией их. Одним из главных видов интерпретации иноязычного текста является перевод. Поэтому нам хотелось бы уяснить, прежде всего для себя, те смыслы, которые современный русский язык и его носители стремятся выделить в Евангельском тексте, а также обратить внимание на своеобразие языковых средств в этих переводах. Очевидно, что в небольшой статье возможен только беглый и поверхностный анализ этих серьезных проблем.

Теоретические установки современных переводчиков весьма разнообразны. Возрастает и количество переводов. Мы воспользовались несколькими из них: епископа Кассиана (Безобразова), издательство Российского Библейского Общества, 1997 г. (в дальнейшем КБ), священника Леонида Лутковского, Киев, 1990 г. (в дальнейшем ЛЛ), В. Н. Кузнецовой, который опубликован в 1993 г. под названием “Канонические Евангелия” в издательстве “Восточная литература” и снабжен вступительной статьей С. В. Лезова и комментариями С. В. Лезова и С. В. Тищенко (в дальнейшем КЕ) и так называемым Восстановительным переводом, изданным в Анахайме в 1998 г. (в дальнейшем ВП).

Эти переводы сопоставляются нами как с греческим текстом по XXVI изданию Nestle-Aland, так и с Синодальным переводом и с церковнославянским текстом Синодальной типографии (в дальнейшем С и Цркслв).

Расплывчатость современных взглядов на перевод евангельского (и шире – библейского) текста обусловлена неопределенностью позиции по отношению к статусу этого текста: является он сакральным, жреческим, бытовым или профанным, в какой мере можно го-

ворить о его литературной, в том числе и языковой, традиционности и обработанности.

В конфессиональной литературе мы часто наталкиваемся на методические указания, озаглавленные “О чтении Евангелия”. Приведем два небольших примера подобных указаний.

I. “Христос Спаситель, придя на землю, возвестил человечеству, как должен жить человек на земле, чтобы стать достойным неба. Учение Христа запечатлено Его учениками-апостолами в Святом Евангелии – в этой вечной книге жизни (курсив наш – *И. Л.*). Каждый, кто хочет узнать волю Божию, должен приступить к Евангелию, и он найдет истину, следуя которой может наследовать блаженство вечное. Христос Спаситель всегда таинственно присутствует в своем Евангелии, и человек, поначалу *‘ничего в нем не понимающий’*, все равно *‘разговаривает’* с Учителем жизни и незаметно проникается Его истинами. Начиная читать Евангелие, следует помолиться ко Господу, чтобы Он Сам открыл наш ум к пониманию Его Закона, при этом необходимо смирить свой гордый ум и успокоить все мятущиеся чувства, потому что Евангелие, по словам святителя Игнатия (Брянчанинова), *‘допускает к себе одних смиренных’*. Раскрыв Евангелие, вспомни, что оно решит твою вечную участь. По нему мы будем судимы и получим оправдание и осуждение”¹.

В этой небольшой статье Евангелие трактуется как “судебная” книга, книга правды и праведности (см. ниже об этих словах применительно к греч. δικαιοσύνη). Но далее Евангелие понимается вовсе не как “книга”, но как “разговор с Учителем жизни”. Этот “разговор”, собственно, есть монолог Учителя, язык которого ученик не всегда и понимает, он [язык] насыщен мистическими тайнами, которые Бог открывает смирившемуся уму. Такая концепция Евангелия предполагает превращение читателя в слушателя и восприемника откровений, изложенных таинственным и непонятным языком.

Приведем еще один пример, уточняющий и логически завершающий концепцию сакрального Евангелия.

II. “Евангелие – не простая книга, при чтении которой читатель обычно является сторонним наблюдателем повествуемых событий. Читая о прокаженных, расслабленных, слепых, хромых, беснующихся, которых исцелил Господь, помышляй, что душа твоя, носящая

¹Православный календарь на 2000 г. М., 1999. Л. 13 авг.

многообразные язвы греха, находится в плену у демонов подобно этим больным. Научайся из Евангелия вере, что Господь, исцеливший их, исцелит и тебя, если ты будешь прилежно умолять Его об исцелении твоём” (свт. Игнатий Брянчанинов).

Читать Евангелие нужно постоянно, благоговейно изучая его. По образному выражению святых отцов, необходимо, чтобы ум человека “плавал в нем, жил в нем”. “Какое счастье, какое богатство – стяжание Евангелия памятью! Нельзя предвидеть переворотов и бедствий, могущих случиться с нами в течение земной жизни. Евангелие, принадлежащее памяти, читается слепым, узнику сопутствует в темнице, увеселяет больного во время томительной бессонницы и тяжкого одиночества².

Здесь Евангелие перестает быть книгой и текстом, оно становится единственным составляющим “плавающего в нем ума”, его памятью. Такой ум не нуждается более в тексте как в объекте, в тексте как средстве для диалога с автором (а следовательно, отпадает и проблема понятного и доступного языка и обсуждения содержания мысли), он не нуждается и в телесной самости человека. Таким образом, Евангелие исцеляет человека, исполняя его собою, парадоксальным образом совмещая читателя и текст. Очевидно, что такой парадоксальный метод интерпретации предполагает и наличие парадоксального языка, своего рода шифра, понятного посвященным, в первую очередь – жрецам-священникам.

Так, чтение Евангелия становится основой конфессионального образования, столпом и утверждением православного мировоззрения. Характерно, что церковные изложения Евангелия для маленьких детей имеют в начале обычно подобные главы: “Божий мир”, “Библия”, “Добрые Ангелы”, “Ангел-Хранитель”, “Душа”, “Злые ангелы”, “Сотворение мира”, “Сотворение рыб, птиц и животных”, “Адам и Ева”, “Первый грех”, “Сын Божий”, “Пресвятая Дева Мария” и т. п. После такого обширного введения и начинается рассказ об Иисусе Христе. Следовательно, чтение Евангелия – не просто часть религиозной жизни, но часть конфессионального образования, и она, по возможности, должна быть ритуально оформлена.

Таким образом, мы можем назвать две полярные позиции в отношении к статусу переводимого текста. Первая, традиционно-кон-

²Православный календарь на 2000 г. Л. 23 авг.

фессиональная – языковая реальность текста принимается как реальность онтологическая. Текст есть монолог Бога, произносимый на сакральном языке, освященном культовым употреблением и исконностью традиции. Новое отношение есть, собственно, попытка пересказать этот монолог, используя свои индивидуальные речевые средства, “освоить” его, сделать и своим словом тоже. Задача осложняется тем, что нужно сохранить в неизменности план содержания, который начинает терять связь с константами языковой онтологии, а перед переводчиком возникает простой и коварный вопрос: “Какое именно содержание надо донести до читателя?”.

Новые переводчики стремятся “сделать сам текст Нового Завета легкодоступным для всякого, кто хочет ознакомиться с ним” (КЕ. С. 3). Что же под этим подразумевается? – “Научный подход”, призванный “познакомить читателя со спецификой евангелий как литературных произведений, используя результаты, достигнутые современной наукой” (Там же). Таким образом, переводческая установка меняется коренным образом. Евангелие отделяется от катехизиса, профессиональное его содержание “выносится за скобки”.

Что ценится в таком переводе? – “Точность в передаче оригинала и несомненные литературные достоинства”³, которые присущи, например, Revised Standard Version, библейскому переводу, выполненному в 1946 – 1951 гг. Любопытно, что критерием качества перевода служит “признание церковной общественности англоязычного мира”⁴. New Revised Standard Version 1990 г. отразил “те изменения, которые за прошедшие годы произошли как в литературном английском языке, так и в библейской текстологии и экзегетике”⁵. Таким образом, библейский текст, евангельский в частности, все больше становится объектом чисто языкового умозрения.

В современной монографии, специально посвященной вопросам библейского перевода, акцентируется так называемый “смысловой перевод”, осуществляемый “с опорой на естественные, нормативные средства языка”. Такой перевод стремится “максимально учесть специфику... культурно-языковой ситуации”⁶, тщательно из-

³Брюс М. Мецгер. Текстология Нового Завета. М., 1996. С. 9.

⁴Там же.

⁵Там же. С. 10.

⁶Бикман Дж., Келлоу Дж. Не искажая слова Божия. СПб, 1994. С. 6.

бегают калькирования. Очевидно, что этот метод противоположен методу древних переводчиков, для которых язык и текст Библии были носителями конфессиональных истин, а потому библеизмы должны были насыщать “целевой” язык, реформировать его.

Современный перевод делает акцент на психо-эмоциональном восприятии текста, существует даже специальный термин – “динамическая эквивалентность”, обозначающий “такое качество перевода, при котором сообщение исходного текста так передается в целевом языке, что *реакция аудитории* (курсив Бикмана, Келлоу) практически та же самая, что и реакция аудитории оригинального текста”⁷⁷. Так вырабатывается понимание научного перевода, реконструирующего экспрессию текста “протохристианской общины” (КЕ. С. 12). С точки зрения такой общины, “главная формальная характеристика жанра ‘евангелие’ – повествование о земной жизни Иисуса как способ выражения вести о спасении во Христе” (Там же). Эту мысль продолжает другой автор цитируемой книги, Тищенко С. В.: “Гораздо важнее биографических данных об авторе понять его замысел, определить литературный жанр и композицию Евангелия, выявить использованные автором традиционные приемы и средства выражения, наконец, *установить социально-культурную принадлежность адресата и жизненную ситуацию* (курсив наш – И. Л.) – словом, все то, что существенно для понимания Евангелия” (КЕ. С. 196). В этом издании отчетливо выражена ориентация на “методы историко-филологической экзегезы” (КЕ. С. 6). Правда, историко-филологическая экзегеза имеет много школ и традиций, в том числе и конфессиональных. Их методы тоже нуждаются в системном и структурном изучении. Вероятно, можно указать и на то, что подход к новозаветному тексту у авторов “Канонических Евангелий” оказался слишком обусловленным традициями протестантских направлений в христианстве, а также стремлением вернуться от эсхатологии к истории, за метафизикой символа и аллегории ощутить реальную и конкретную физическую предметность.

Это движение от мифологии и символизма к буквализму и реализму фиксируется и цитатой из “Мимесиса” Э. Ауэрбаха, приводимой С. В. Лезовым в своем “Введении” к “Каноническим Евангели-

⁷⁷Бикман Лж., Келлоу Дж. Не искажая слова Божия. С. 3.

ям”: “Все содержание Писания оказалось теперь в таком контексте интерпретаций, где смысл событий далеко уходил от своей реальной и конкретной основы” (КЕ. С. 15).

Таким образом, новые интерпретации принимают как реальность историческое и повествовательное содержание Евангелий, но отвергают связанную с ними метафизику. Очевидно, что понятие таким образом воссоздание исторической конкретики требует воссоздания психоментального опыта среды, породившей Евангелия. Естественно также, что переводчик, отказавшийся от конфессионального опыта, сосредоточен исключительно на данных языка, и основными проблемами его перевода становятся следующие: “Что означает данное слово в данном контексте? Какое значение имеет данная фигура речи? Действительный ли это вопрос или риторический?”⁸. Традиция восприятия текста, слова-термины, ставшие выразителями национального менталитета, при таком подходе стремятся к исчезновению.

Параметры и критерии оценок при подобном подходе также оказываются весьма расплывчатыми, что хорошо подтверждает цитата из упомянутой выше монографии “Не искажая слова Божия...”: “Буквальное значение слова представляет собой основное, обычное, общепринятое значение данного слова”, и, следовательно, “буквальная интерпретация – это всего лишь истолкование слов и предложений в соответствии с их нормальным, обычным, общепринятым смыслом. Таким образом, буквальное истолкование Священного Писания (в соответствии с вышеприведённым определением) противостоит типологическому или аллегорическому. Однако, в настоящей главе понятие “буквальный” перевод используется в противопоставлении термину “идиоматический” для различения разных типов перевода. Стоит отметить, что идиоматический перевод благоприятствует буквальному методу истолкования значения Священного Писания, в то время как буквальный перевод ему не благоприятствует и даже может привести к использованию аллегорического метода истолкования”⁹.

Следовательно, общий подход к анализу и классификации современных переводов основан на квалификации языковых форм и узусов. Как видно из вышеприведенных цитат, содержание все боль-

⁸Бикман Дж., Келлоу Дж. Не искажая слова Божия. С. 9.

⁹Там же. С. 3.

ше и больше “остраняется” и “очуждается” от текста, или, говоря иными словами, текст перестает восприниматься как носитель устойчивого и определенного смысла.

Как некогда было в истории гомеровского вопроса, евангельский текст теряет свое единство. Так, издатели “Канонических Евангелий” считают возможным изменять порядок книг в “тетре”, “для того, чтобы сделать более наглядным и внутренние связи между Каноническими Евангелиями и историю их создания” (КЕ. С. 3). С этой же целью “текст каждого из Евангелий сопровождается статьей, в которой рассматривается основная проблематика изучения этого евангелия как литературного памятника” (Там же). Более того, предисловие к каждому Евангелию требует знания материала “Введения”, где кратко изложена современная текстология Нового Завета. Таким образом, основной текст, как и в добротных конфессиональных изданиях, оказывается включенным в “конвой”, интерпретирующий текст и формирующий восприятие читателя.

Заключая раздел о современных воззрениях на текст Нового Завета и возможных способах его перевода, прежде чем перейти непосредственно к анализу, мы скажем, что по мере оформления и развития конфессиональных дисциплин текст и смысл Нового Завета стали предметом их методологии. Языковые штудии играли в этом немалую роль. Как отмечает М. Элиаде, “семантическая многозначность слов приводит в конце концов к тому, что обычная система отношений, присущая любому из человеческих языков, подменяется неоднозначностью. Подобное уничтожение языка, в свою очередь, способствует ‘разрушению’ мира повседневной жизни и замене его миром взаимотрансформируемых и совмещаемых планов. Вообще говоря, символизм порождает всеобщую ‘пористость’, открывая всё живое и неживое для значений, далеких от привычных”¹⁰.

Перейдем теперь непосредственно к рассмотрению специфики указанных в начале настоящей статьи переводов. Эту специфику мы хотим показать на тексте начала V гл. Евангелия от Матфея, знаменитых “макаризмах” (Мф. V, 3–12).

Этот фрагмент имеет программный характер для всего христианства. Поэтому семантико-грамматическая структура этого текста анализировалась многократно. Современные работы пытаются вник-

¹⁰Элиаде М. Йога. “София”. 2000. С. 232.

нуть в его художественное своеобразие. Наша задача – дать анализ тех нюансов смысла, которые присутствуют в современных русских переводах.

Прежде всего, скажем, что этот широко известный текст сложен для интерпретации на всех уровнях. Видимость простоты создается здесь инерцией восприятия. Далее, в силу своей значимости “макаризмы” являются манифестацией конфессионального мировоззрения, поэтому они обязательно анализируются и комментируются в соответствующих руководствах. Все вышесказанное должно еще раз напомнить нам, что конфессиональный переводчик есть, собственно, переводчик традиции, а переводчик внеконфессиональный испытывает большие трудности, работая с текстом, едва ли не ставшим частью национального менталитета.

Структурировать “макаризмы” можно по-разному¹¹. Цркслв. и С ограничиваются членением текста на “стихи”, произнесение и пение которых в литургической практике определенным образом ритмически упорядочено. КБ, ЛЛ и КЕ передают строфику, следуя в этом изданиям Nestle-Aland. Для ВП структурной единицей тоже является “стих”. Поскольку обычно выделяется девять “блаженств” с заключительным стихом “радуйтесь и веселитесь”, то мы последуем этой традиционной схеме.

І. Мф. 5, 3.

Μακάριοι οἱ πτωχοὶ τῷ πνεύματι,

ὅτι αὐτῶν ἐστὶν ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν

Бл̑жени нищїи дх̑омъ: такъ тѣхъ есть цр̑твїе неб̑ное

С Блаженны нищие духом: ибо их есть Царство Небесное

КБ Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное

ЛЛ Блаженны нищие духом, ибо им принадлежит Царство Небесное

КЕ Как счастливы те, кто бедны перед Господом !

Царство Небесное – их

ВП Блаженны нищие духом, ибо их есть царство небес

“Слово ‘блаженны’ представляло трудную проблему для переводчиков... ‘Блаженный’ или ‘блаженство’ известны далеко не во всех

¹¹Ньюман Б., Стайт Ф. Комментарии к Евангелию от Матфея. Российское библейское общество. Б. м., 1998. С. 6.

культурах”¹². Греческое слово μακάριος обладает архаической культовой семантикой. Часто оно обозначает “покойника”, причастность к “иному” миру. Слово “блажен” в русском языке является заимствованием из церковнославянского. (Фасмер, I, 171), ему также свойственна преимущественно культовая семантика, которая изучена пока недостаточно. Показательно, что все переводы (за исключением КЕ) сохраняют это столь важное для конфессиональной традиции слово. Мы уже отмечали стремление КЕ разорвать связь с конфессионально-теологической традицией евангельского текста, сделать его действительно новым, “неслышанным и невиданным”. Но в связи с этим возникают все те же “проклятые вопросы” о религиозном смысле переводимого текста, о принципах его поэтики и поэтики перевода. Представляется, что 9-тикратная анафора “как счастливы” даже эфонически уступает традиционному “блаженны”, семантические же и стилистические акценты смещаются очень резко.

Слово “счастье” отсутствует как в “*Полном церковнославянском словаре*” Г. Дьяченко, так и в “*Старославянском словаре*” под редакцией Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. Употребление русизма в программном фрагменте, который ВП именует “конституцией царства” (ВП. С. 29), есть своего рода переводческий манифест. Архаические вечные “блаженства” заменяются на “счастье – состояние довольства, благополучия, радости от полноты жизни, от удовлетворения жизнью” (Ушаков 4, ст. 615).

С изменением предиката в КЕ меняются и субъекты “макаризов”. Так, вместо “нищих духом” (традиционного и малопонятного перевода таинственного οἱ πτωχοὶ τῷ πνεύματι появляются “те, кто бедны перед Господом”. Нежелание воспользоваться библейским фразеологизмом заставило переосмыслить синтаксис фразы: КЕ стараются избегать и причастных конструкций, как грамматических славянизмов: на их место приходят относительно-указательные предложения с конструкцией “те, кто + глагол”.

В отношении перевода 2-ой части 1-го “макаризма” – “ибо их есть Царство Небесное” – следует отметить устранение глагола-связки в КЕ и замену его на “им принадлежит” у ЛЛ. То и другое – стремление русифицировать текст. Чтение же “царство небес” в ВП мы

¹²Ньюман Б., *Стайт Ф.* Комментарии к Евангелию от Матфея. С. 103.

должны квалифицировать как грамматическое калькирование, которое свойственно этому переводу в передаче конструкций с родительным падежом, зависящим от существительного.

II. Мф. 5, 4.

Μακάριοι οἱ πενθοῦντες
ὅτι αὐτοὶ παρακληθήσονται.

Бл̑жени плачу̑щии: пакв̑ т̑и оут̑ѣшатсѧ

С Блаженны плачущие: ибо они утешатся

КБ Блаженны скорбящие, ибо они будут утешены

ЛЛ Блаженны плачущие, ибо они утешатся

КЕ Как счастливы те, кто скорбит !

Бог их утешит

ВП Блаженны скорбящие, ибо они будут утешены

Во втором “макаризме” обращают на себя внимание лексические расхождения в переводе субъекта “плачущие” (С, ЛЛ), “скорбящие” (КБ, КЕ, ВП). Эта лексическая замена весьма показательна. Расширение лексического значения в данном случае, наверное, больше соответствует основному лексическому значению *πενθέω*. Слово “плач” получило профессиональную окраску, стало даже своего рода *terminus technicus*. Эти “плачущиеся – люди первенствующей христианской церкви, приносившие явное покаяние о своих согрешениях, которые, стоя за порогом церковным, просили входивших и исходивших верных людей, чтобы о них молились и простили им грехи” (Дьяченко, С. 430). Также одной из добродетелей христианских является “блаженный плач”, который означает “ощущение падения, общего всем человекам и собственной нищеты духовной. Сетование о них. Болезненное сокрушение сердца, от которого происходит легкость совести, благодатное утешение и радование. Надежда на милосердие Божие. Благодарение Бога в скорбях, покорное перенесение их”¹³.

Это понимание, установившееся в православной традиции, приходит в противоречие с тем, что предлагают современные комментаторы, восстанавливающие психоментальный опыт “протохристианской аудитории”: “В Септуагинте глагол ‘плакать’ (скорбеть) используется для обозначения как скорби по умершем, так и скорбь

¹³Православный календарь на 2000 г. Л. 3 авг.

из-за грехов других людей. Это обычный глагол в библейском греческом языке, и его нельзя ограничивать идеей оплакивания греха. Согласно Матфею, грех ненавидят и отказываются от него, но по нему не плачут¹⁴.

Феофилакт Болгарский, один из основоположников славянской теолого-символической традиции, понимает слово *“πενθοῦντες”* – “плачущие” – в духе мистической физиологии: “Плачущие, то есть о грехах, а не о чем-либо житейском. Сказал же: плачущие, разумея плач не однократный какой-либо, но всегдашний, притом не о своих только грехах, но и о грехах ближних¹⁵”.

Особой проблемой является соотношение видовременных систем греческого и русского глагола и специфика выражения в этих языках залоговых отношений. Так, греческий *futurum indicativi passivi* в церковнославянском передан формой совершенного вида с частицей –сѧ (то же С и ЛЛ). КБ и ВП прибегают к аналитическим конструкциям с препозицией глагола-связки: “будут утешены”. И, наконец, КЕ толкуют указанную форму как семитизм: “Подобная конструкция, так называемый “божественный пассив”, была типичной для семитской языковой среды, а согласно иудаистским теологическим представлениям ожидалось, что Сам Бог спасет и утешит свой народ... потому в переводе можно сказать: “Бог Восстановит их счастье” или “Бог их утешит¹⁶”. Таким образом, “божественный пассив” мы можем понять как указание на теологически маркированный субъект действия. Христианское же понимание “макаризмов” выдвигает на первый план свойства “людей царства”. Комментарий Феофилакта Болгарского отмечает: “Утешатся же они не только там, но и здесь, ибо кто плачет о грехах, тот духовно радуется, особенно там. Здесь он радуется по надежде получить прощение грехов: а там будет непрестанно радоваться, получив жизнь блаженную¹⁷”. То есть акцентируется та мысль, что человеческая экзистенция укоренится в онтологии благодаря духовным трудам, наследует “жизнь вечную” или “блаженную”.

¹⁴Ньюман Б., Стайт Ф. Комментарии к Евангелию от Матфея. С. 106.

¹⁵Там же. С. 61.

¹⁶Там же. С. 106.

¹⁷Благовестник или толкование блаженного Феофилакта, архиепископа Болгарского, на святое Евангелие. Евангелие от Матфея. М., 2000. С. 61.

III. Мф. 5, 5.

Μακάριοι οἱ πραεῖς
ὅτι αὐτοὶ κληρονομήσουσιν τὴν γῆν

Блаженны кротцыи: такъ тѣи наследуютъ землю

С Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю

КБ Блаженны кроткие,

ибо они наследуют землю

ЛЛ Блаженны кроткие, ибо они унаследуют землю

КЕ Как счастливы кроткие !

Бог им отдаст во владение землю

ВП Блаженны кроткие, ибо они унаследуют землю

Субъект этого “макаризма” (οἱ πραεῖς) во всех переводах передан словом “кроткие”. Это единодушие подкрепляется сходным толкованием слова в разных традициях. Так, современные библеисты (которым следуют КЕ) считают, что “в языке Иисуса едва ли можно заметить разницу между этим словом и словом ‘нищие’. В нем есть оттенок ‘незначительности’ или ‘скромности’, и его можно даже перевести как ‘бессильный’.... Πραεῖς... может переводиться как ‘мягкий’, ‘смиранный’ или ‘неагрессивный’. Еще один хороший перевод – ‘тот, кто не полагается на собственные силы’”¹⁸. Это почти полностью совпадает с толкованием Феофилакта Болгарского: “Кроткие почитаются презренными и бедными; а Он, напротив, говорит, что они-то и имеют все. Кроткие не те, которые вовсе не гnevаются, таковы бывают только лишенные разума: но те, которые могут гневаться и воздерживаются, а гnevаются только тогда, когда должно”¹⁹. В ВП “быть кротким – не сопротивляться противостоянию мира, а с готовностью переносить его” (ВП. С. 30). В словаре С. И. Ожегова “кроткий – незлобивый, покорный, смиранный” (Ожегов. С. 282). П. Дьяченко, как и И.И. Срезневский, пропускает это важное слово: “Старославянский словарь” характеризует только его смысл, отсылая к греческим соответствиям. Лексикографически слово “кроткий” обработано лишь в Словаре русского языка XI – XVII вв.: “кроткий – 1. кроткий, смиранный, незлобивый, покорный; 2. прирученный, домашний; 3. скромный, воздержанный; 4. спокойный, мирный; 5. слабый,

¹⁸Ньюман Б. *Стайт Ф.* Комментарии к Евангелию от Матфея. С. 106.

¹⁹Благовестник или толкование блаженного Феофилакта... С. 61.

недостаточно развитый (об умственных способностях): 6. тихий, не сильный, легкий (о ветре)” (СРЯ. Т. 8. С. 74–74).

К сожалению, славянские тексты Писания и богослужения пока недостаточно лексикографически описаны, поэтому они воспринимаются либо через посредство конфессиональной комментаторской традиции, либо чисто интуитивно.

Аргументация 3-го макаризма заключается в том, что “кротким будет принадлежать вся земля” (αὐτοὶ κληρονομήσουσιν τὴν γῆν). Активное будущее κληρονομήσουσιν КЕ переводят по аналогии с παρακληθήσονται как “божественный пассив”: “Бог им отдаст во владение землю”, сохраняя тем самым синтаксический параллелизм, который есть и в оригинале. И, наконец, варьирование “наследуют” ~ “унаследуют” опирается на соотношение видо-временных систем греческого, церковнославянского и русского языков.

IV. Мф. 5, 6.

Μακάριοι οἱ πεινῶντες καὶ διψῶντες τὴν δικαιοσύνην,
ὅτι αὐτοὶ χορτασθήσονται

Бл̑жени алчѹщи и жаждѹщи правды: гакѡ тѣи насытатса

С Блаженны алчущие и жаждущие правды; ибо они насытятся

КБ Блаженны алчущие и жаждущие правды.

ибо они будут насыщены

ЛЛ Блаженны алчущие и жаждущие правды,

ибо они насытятся

КЕ Как счастливы те, кто жаждет исполнения воли Господней !

Жажду их Бог утолит

ВП Блаженны алчущие и жаждущие праведности, ибо они насытятся

Первая часть 4-го макаризма одинакова в С, КБ и ЛЛ, во второй же части КБ последовательно унифицирует аналитический способ передачи залоговых значений *passiv*’а: будут утешены, будут насыщены вместо утешатся, насытятся (С). Можно отметить также, что КБ осторожно “поновляет” язык С, освобождая его от архаизмов: “приступили к Нему ученики Его” (С) (Мф. 5, 1), “подошли” (КБ), “Бога узрят” (С) (Мф. 5, 8) – (τὸν θεὸν ὄψονται), “увидят Бога” (КБ). КБ “поновляет” текст осторожно, стремясь не разрушить его привычной словесной ткани. Так, КБ стремится устранять плеоназмы, являющиеся чертой архаической стилистики: Ἰ ῥωβερзь оуста своа, оучаше нхъ

ἴλα (Мф. 5, 2) – И Он, отверзши уста свои, учил их, говоря (С) – И отверзши уста свои, Он учил их так (КБ). Здесь упрощена архаическая формула введения прямой речи, но сохранено устойчивое словосочетание “отверзши уста”. Ср. в КЕ “Иисус начал их учить”. КБ стремится также сохранить порядок слов оригинала в адъективных словосочетаниях (свойство, присущее и церковнославянскому тексту), например: *ὅτι ἡ μισθὸς ὑμῶν πολὺς ἐν τοῖς οὐρανοῖς* (Мф. 5, 11); ибо награда ваша велика на небесах (КБ); ибо велика ваша награда на небесах (С) – такъ мзда ваша многа на нѣсѣхъ. Прямое же дополнение КБ предпочитает ставить после глагола.

Относительно “алкания и жажды” в новейших пособиях мы читаем: “‘Голод’ и ‘жажда’ являются образными фигурами для обозначения страстного стремления к Богу как в ВЗ (Ис. 55.1; Пс. 42.2; Бар. 2.18), так и в НЗ (Ин. 4, 13; 7, 37; Откр. 21, 6; 22, 17). Значение этих фигур – искать чего-то всем сердцем, желать этого превыше всего. Большинство переводов сохраняет первоначальную фигуру речи; некоторые переводы отказываются от нее...”²⁰. В наших примерах “отказником” является только КЕ: “Как счастливы те, кто жаждет исполнения воли Господней!” Очевидно, это результат стремления к радикальному обновлению текста, попытка представить его в совершенно новом словесном облике. Но метафора “алкания и жажды” как страстного физического и духовного стремления, восстанавливающего целостность человека (“ибо они насытятся”), безусловно, ярче и художественнее, не говоря уже о том, что она является частью ветхозаветной художественной традиции с одной стороны, и русской фразеологии – с другой. Объект этого “алкания и жажды” в оригинале обозначен чрезвычайно трудным для перевода словом *δικαιοσύνη* (“правда” в Цркслв., С, КБ, ЛЛ, “праведность” в ВП и “исполнение воли Господней” в КЕ). Здесь следует отметить, что слово “правда” в русском языке имеет богатый спектр значений. Если в словаре С. И. Ожегова: “Правда – 1. То, что соответствует действительности, истина. 2. Порядок, обоснованный на справедливости, честности” (Ожегов. С. 529), то согласно толкованию В. И. Даля: “Правда – истина на деле, истина во образе, во благе; правосудие, справедливость” (Даль, III. С. 379). Словарь русского языка XI – XVII вв. начинает лек-

²⁰Ньюман Б., Стайн Ф. Комментарии к Евангелию от Матвея. С. 107.

сикографические описания “правды” с ее книжных калькированных значений, имеющих аналоги в греческой письменности. И тогда оказывается, что если основное значение слова “правда-правда, истина”, то под № 3 описывается “правда” как переводческий аналог δικαιοσύνη – “справедливость, как соответствие действий и поступков требованиям морали и права; праведные деяния; исполнение божественных заповедей, долга” (т. 18, С. 96–99). Это значение близко и к словарю прот. Г. Дьяченко: “Правда – (δικαιοσύνη) – закон, законный поступок, добродетель, или совокупность добродетелей, оправдание грешника заслугами Христовыми” (Дьяченко, С. 472). “Правда как δικαιοσύνη” и “правда”, не имеющая отсылок к греческой словесности, рассматриваются Г. Дьяченко как омонимы. Представляется, что усвоение литургической греческой семантики славянскими словами сыграло большую роль в развитии и становлении русского языкового мировосприятия, формировании картины бытия. С другой стороны, это привело к расхождению значений русского и церковнославянского слова вплоть до омонимии, и наш материал свидетельствует, что стремление освободить текст Евангелия от “поповских” слов и значений может стать стержнем переводческой концепции (ср., например, парафраза “исполнение воли Господней” в КЕ. Эта парафраза понадобилась, скорее всего, для того, чтобы избежать таких конфессионально-менталитетных, богословско-концептуальных в данном контексте слов, как “правда” и “праведность”). В заключение анализа 4-го макаризма скажем, что именно слово δικαιοσύνη оказалось в нем принципиальным и трактовка его семантики оформила весь “макаризм” в целом.

V. Мф. 5, 7.

Μακάριοι οἱ ἐλεήμονες
ὅτι αὐτοὶ ἐλεηθήσονται

Бл̑жени м̑тивїи: такъ тїи помиловани б̑д̑тъ

С Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут

КБ Блаженны милостивые,

ибо они будут помилованы

ЛЛ Блаженны милосердные, ибо они помилованы будут

КЕ Как счастливы милосердные !

И к ним будет Бог милосерд !

ВП Блажены милостивые, ибо им будет явлена милость.

Постепенно переходя к обобщениям, можно сказать, что при переводе макаризов оказывается сложным передать, во-первых, внутреннюю форму слова, характеризующего субъект “блаженства”, и во-вторых, – залог глагола в придаточном изъяснительном предложении, раскрывающем будущее состояние подлежащего. ЛЛ и КЕ заменяют традиционное “милостивые” на образованный по греко-церковнославянскому образцу композит “милосердные”. “Οἱ ἐλεήμονες – это слово выражает чувство сожаления о скверном положении кого-то и желание сделать что-то для него. О милосердных людях можно сказать ‘добрые’, ‘прощающие’, ‘жалеющие других’, ‘милосердные’ или ‘проявляющие милосердие к другим’”²¹. “Для Матфея главное состоит в том, что человек, не проявляющий милосердия, не может рассчитывать на милосердие Бога. Иногда этот стих неправильно понимался в том смысле, что верующий должен быть милосердным к другим, тогда и они будут также относиться к нему. Смысл этих слов не в этом, и ни один еврей времен Иисуса не понял бы их таким образом; переводчик должен сделать смысл их совершенно ясным... Бог будет милостив к ним”²². Этой рекомендации следует текст КЕ и, более осторожно, – ВП: “...ибо им будет явлена милость”. Комментарий ВП, сопровождающий этот текст, делает акцент на лексическом значении слова “милость” (ἐλεημοσύνη): “получить милость – значит получить то, чего мы не заслуживаем. Если мы будем милостивы к другим, Господь даст милость нам, особенно у своего судного престола” (ВП. С. 31). Близка к этому пониманию и традиция Феофилакта Болгарского: “Милосердие можно оказывать не имуществом только, но и словом, а ежели ничего не имеешь, то и слезами, и вздохом. Они получают милость и здесь – от людей. Ибо кто вчера оказывал милость, а сегодня пришел в бедность, тому все будут оказывать милость, особенно там – Бог”²³. Последняя цитата представляет некоторый контраст современной трактовке 5-го “макаризма”. В заключение отметим еще, что в словаре С. И. Ожегова “милостивый” дано с пометой “устаревшее”, его значением оказывается соотнесенность со словом “милость”, понимаемая, однако, не в основном своем словарном значении как “доброе, человеколюбивое отношение”,

²¹Ньюман Б., Стайн Ф. Толкование на Евангелие от Матфея. С. 109.

²²Там же. С. 109.

²³Благовестник или толкование блаженного Феофилакта... С. 62.

но как “благосклонность, полное доверие, расположение к кому-нибудь низшему со стороны высшего лица” (Ожегов. С. 323). Таким образом, именно композит оказывается принят современным языковым сознанием (возможно, именно в силу прозрачности внутренней формы и однозначности смысла).

VI. Мф. 5, 8.

Μακάριοι οἱ καθαροὶ τῆ καρδίᾳ
ὅτι αὐτοὶ τὸν θεὸν ὄψονταί

Бл̑жени чистѣи ср̑цѣмъ: гакъ тѣи б̑га оузрѣтъ

*С Блаженны чистые сердцем;
ибо они Бога узрят*

КБ Блаженны чистые сердцем; ибо они увидят Бога

ЛЛ Блаженны чистые сердцем; ибо они Бога узрят

КЕ Как счастливы те, у кого чистое сердце!

Они Бога увидят

ВП Блаженны чистые сердцем, ибо они увидят Бога

Тенденции, которые были отмечены нами выше, отчетливо присутствуют и в представленных переводах 6-го “макаризма”. Возможно, поскольку его смысл обычно соотносят с 23-им псалмом (“Неповинен руками, и чист сердцем... Сей род ищущих Господа, ищущих лице Бога Иаковля”), то ЛЛ, сохраняя колорит цитатности и отсылочности, воспроизводит текст С. Подобные отсылки есть и у прочих “макаризмов”, но в переводе ЛЛ трудно нащупать какую-либо системность. Этот перевод назван “авторским”, но точнее было бы назвать его “волюнтаристским”: столь произвольны предлагаемые решения.

VII. Мф. 5, 9.

μακάριοι οἱ εἰρηνοποιοί
ὅτι αὐτοὶ υἱοὶ θεοῦ κληθήσονται

Бл̑жени миротворцы: гакъ тѣи сынове б̑жин нареку́тса

С Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими

КБ Блаженны миротворцы,

ибо они будут названы сынами Божиими

ЛЛ Блаженны миротворцы, ибо они названы будут сыновьями Божьими

КЕ *Как счастливы те, кто трудится для мира!
Бог назовет их Своими сынами*

ВП *Блаженны миротворцы, ибо они будут названы сыновьями Божьими*

Итак, КБ устранил архаизм “наречены” и ставит на его место “названы”, сохраняя порядок слов С. ЛЛ прибегает к инверсии “названы будут” и русифицирует морфологические формы именной части сказуемого: “сынами Божиими” – “сыновьями Божьими”. ВП совпадает с этой версией, но в сказуемом глагол в личной форме стоит перед причастием. КЕ, следуя современным переводческим рекомендациям, понимают “κληθήσονται” как “божественный пассив” и переводят конструкцию в активный залог с подлежащим “Бог”. Этот текст выбирает форму “сынами”, что придает фразе оттенок торжественности. Кроме того, что эта форма в меньшей мере соотносится с идеей пола, но указывает на особый разряд людей. Замена слова “миротворцы” (это слово присутствует в словаре Ожегова с пометой “высокое”) придаточным предложением “кто трудится для мира” – неудачна ввиду омонимии “миръ – міръ”.

VIII. Мф. 5, 10.

Μακάριοι οἱ δεδιωγμένοι ἕνεκεν δικαιοσύνης
ὅτι αὐτῶν ἐστὶν ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν.

Бл̑жени изгнани правды ради: такъ т̑бх̑ есть ц̑р̑ствие неб̑ное

С Блаженны изгнанные за правду; ибо их есть Царство Небесное

КБ Блаженны гонимые за правду; ибо их есть Царство Небесное

ЛЛ Блаженны преследуемые за правду,

ибо им принадлежит Царство Небесное

КЕ Как счастливы те, кого гонят

за исполнение воли Господней !

Царство Небесное – их

ВП Блаженны гонимые за праведность, ибо их есть царство небес

Здесь мы должны остановиться на способах перевода пассивного причастия перфекта от глагола διώκω – гнать, преследовать – οἱ δεδιωγμένοι. Сперва заметим, что все переводы, за исключением ЛЛ, используют формы от глагола “гнать” (у ЛЛ – “преследовать”). – в грамматических формах русских соответствий этому слову гораздо

больше вариантов, а именно: Цркслв. и С используют форму страдательного причастия прошедшего времени совершенного вида, при этом в Цркслв. употреблена краткая форма, хотя в греческом тексте причастие имеет при себе артикль и является грамматическим подлежащим. Такие конструкции обычно переводятся на церковнославянский и русский языки полными причастиями (ср. выше: плачѹщїи, алчѹщїи и жаждѹщїи правды; в этих примерах, однако, фигурирует действительное причастие настоящего времени). Некоторые переводчики предпочитают трактовать причастие не как часть речи, но как член предложения:

οἱ δὲ εὐθέως ἀφέιντες τὰ δίκτυα ἠκολούθησαν αὐτῷ (Мф. 4, 22)
она же авѣ вставльша мрежи, по немъ идоста

С *И они тотчас, оставив сети, последовали за Ним*
КБ *И они тотчас оставили сети и последовали за Ним*

КБ, ЛЛ и ВП используют страдательное причастие настоящего времени несовершенного вида, то есть здесь оно принимает вневременное значение. То же значение имеет и настоящее время в КЕ (“те, кого гонят”).

Как и при переводе 4-го “макаризма”, слову δικαιοσύνη соответствует “правда” в переводах, ориентированных на конфессиональную традицию (КБ, ЛЛ); разъяснительный и комментаторский ВП передает это слово как “праведность”, уточняя лексическое значение церковнославянского “правда”, которое в русском языке имеет иную структуру, а КЕ еще отчетливее фиксирует библейское лексическое значение δικαιοσύνη как “исполнение воли Господней” (целых три слова вместо одного !). Еще раз подчеркнем, что одной из причин, вызывающих неудовлетворенность церковнославянским переводом и потребность в русском прочтении канонических текстов, является расхождение лексических значений русских и церковнославянских слов. В ряде случаев оно столь значительно, что препятствует пониманию текста.

2-ая часть 8-го “макаризма” – “ибо их есть Царство Небесное” – совпадает со 2-ой частью 1-ой заповеди. “Она указывает на начало и конец раздела и является примером литературного приема, известного как ‘включение’ и встречающегося у Матфея и в других местах”²⁴.

²⁴Ньюман Б., Стайн Ф. Толкование на Евангелие от Матфея. С. 110.

И, наконец, 9-ый “макаризм”, кода этого раздела.

IX. Мф. 5, 11–12.

Μακάριοι ἐστε, ὅταν οὐκ εὐδοκῶσιν ὑμᾶς καὶ διαΰωσιν καὶ εἰπῶσιν πᾶν ποιητὴρὶν ῥῆμα καθ' ὑμῶν ψευδόμενοι ἕνεκεν ἐμοῦ, χαίρετε καὶ ἀγαλλιάσθε, ὅτι ὁ μισθὸς ὑμῶν πολὺς ἐν τοῖς οὐρανοῖς ὁύτως γὰρ ἐδίωξαν τοὺς προφῆτας τοὺς πρὸ ὑμῶν (ὕπάρχοντα)

Бл̑жени есте, егда поноса̑тъ вамъ, и иждѣнѹтъ, и рекѹтъ вса̑къ солъ глаголѹ на вы лжѹще мене ради. Радѹйтесь и веселитесь, такъ мзда ваша многа на нѣбеса̑хъ: такъ бо изгнаша пр̑роки, иже (вѣща) прежде васъ.

С *Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь: ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас.*

КБ *Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и злословить и лгать на вас из-за Меня. Радуйтесь и веселитесь: ибо награда ваша велика на небесах: так гнали пророков, бывших прежде вас.*

ЛП *Блаженны будете и вы, когда вас, оклеветанных из-за имени Моего, станут всячески злословить, бесчестить и преследовать. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так ведь преследовали и пророков, бывших прежде вас.*

КЕ *Так будьте же счастливы, когда вас оскорбляют и преследуют и обливают грязной ложью из-за Меня! Радуйтесь, ликуйте! Велика ваша награда на небесах! Так гнали и пророков, которые жили до вас.*

ВП *Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать, и лживо говорить против вас всякое зло из-за Меня. Радуйтесь и ликуйте, ибо велика ваша награда на небесах; ибо так гнали пророков, которые были до вас.*

Анализ этого заключительного отрывка, сравнительно большого по объему, будет кратким, после чего мы перейдем к выводам. Прежде всего, отметим способы перевода глагольных форм. В греческом тексте у нас *coniunctivus aoristi* с *ἔν* (в итеративном значении). Цркслв. перевод использует настоящее время “безвидовых” глаголов: поносить, изгнати, рещи. С, КБ и ВП – сложное будущее с “будут + неопреде-

ленная форма”. ЛЛ распространяет формы будущего на обе части периода: “будете” и “станут + неопределенная форма”.

КЕ конструкцию $\delta\tau\alpha\nu$ + *coniunctivus aoristi* передают настоящим временем, но форму $\epsilon\sigma\tau\epsilon$ понимают как *imperativus*, чему противоречит акцентуация греческого текста. КЕ усиливают эмоциональную насыщенность лексики: “оскорбляют, преследуют, обливают грязной ложью”. Греческое “многосоюзие”, сохраненное всеми переводчиками и придающее фразе плавность перед финальным возгласом “радуйтесь и веселитесь”, здесь тоже устранено. Такой текст начинает восприниматься суггестивно, благодаря градации и усилению смысла. Союзы устранены и из последующей части текста: “Радуйтесь, ликуйте! Велика ваша награда на небесах!” Этой взвинченности несколько противоречит отсылка к “пророкам, которые жили до вас”.

Мы уже отмечали, что переводы С и КБ следует рассматривать как последовательное лексико-грамматическое “поновление” церковнославянского текста.

Оригинальность перевода ЛЛ часто обусловлена его своеобразным пониманием греческого текста. В данном случае вряд ли возможно понимать причастие $\psi\epsilon\upsilon\delta\omicron\mu\epsilon\upsilon\omicron\iota$ как *passivum*, тем более что грамматически оно относится к подлежащему, обозначающему тех, которые “гонят и клянут”. Тогда не нужен и причастный оборот, относящийся к прямому дополнению и усложняющий синтаксис фразы, нарушающий ее естественный ритм.

“ $\chi\alpha\tilde{\iota}\rho\epsilon\tau\epsilon$ καὶ ἀγαλλιᾶσθε” – характерная для стиля древних текстов группировка синонимов. В наших примерах “ $\chi\alpha\tilde{\iota}\rho\epsilon\tau\epsilon$ ” везде переведено как “радуйтесь”, а вот “ἀγαλλιᾶσθε” в КЕ и ВП соответствует “ликуйте”. Это несколько смещает акцент: традиционное “радуйтесь и веселитесь” характеризует “внутреннего человека”, а “радуйтесь! ликуйте!” есть призыв к внешнему выражению своей эмоции.

Итоги же нашего небольшого исследования таковы: конфессиональная традиция предполагает вполне определенную и упорядоченную религиозную реальность, которая находится за текстом Евангелия. Поэтому для его понимания требуется “глубокая ученость” и множество комментариев. Характерным примером такого представ-

ления является восстановительный перевод служения “Живой поток” (в нашем сокращении – ВП). Основной текст обрамлен комментариями, примечаниями, таблицами и ссылками. Они образуют уже новый, самостоятельный текст, который меняет свою структуру, жанр, характер бытования. Для ВП принципиально важным является понимание структуры текста, которая именуется здесь “планом к каждой книге, выражающим ее духовный смысл”. Так, Евангелие от Матфея имеет темой “благовестие царства – доказательство того, что Иисус Христос – царь” (ВП. С. 5). Согласно развитию этой темы глава 5, на которой мы задержали свое внимание, есть “провозглашение конституции царства” (ВП. С. 129). ВП представляет нам Новый Завет как книгу, которая для своего понимания требует “глубокой учености” и комментариев, но “если уделять внимание только Писаниям и не придавать значения мгновенным водительствам, это может привести к тому, что мы упустим Христа, подобно иудейским священникам и книжникам. Чтобы прислушиваться к мгновенным водительствам, требуется ищущее сердце” (ВП. С. 18).

Таким образом, если конфессионально-жреческая традиция, представленная в нашем материале церковнославянским переводом, стремится на всех возможных уровнях противопоставить сакральный и профанный смысл Евангелия (изъяснению сакральных смыслов служит особая дисциплина – “Закон Божий”), то новые переводы стремятся их объединить. Для таких направлений важным оказывается разграничить узус: конфессиональный (жреческий) и “мирской” (профанный). Эта интересная в теоретическом отношении проблема пока решается чисто эмпирически. И, наконец, третье, называющее себя научным, направление стремится отбросить конфессионально-жреческие интерпретации Евангельского текста и передать его профанный смысл современным профанным языком. В нашем материале синодальный перевод, очевидно, является аналогом конфессионально-жреческого. Его роль в разработке соответствующего узуса русского языка чрезвычайно велика. КБ, ЛЛ и ВП – представители второй тенденции, стремящиеся приблизить читателя к конкретно-исторической ситуации повествования. Это осуществляется путем лексических замен, упорядочивания и переосмысления этносоциальной терминологии, уменьшения числа церковнославянизмов (КБ), введения

в текст обширного комментаторского “конвоя” (ВП). Иногда такой перевод в сравнении с оригиналом выглядит эксцентричным (ЛЛ). Возможно, это прием, который используется автором для того, чтобы сделать привычное и знакомое новым. И наконец, КЕ – крайний и бескомпромиссный выразитель третьего направления, стремящийся избавиться от всего, что так или иначе напоминает о церковнославянской традиции. Примечательно, однако, что этот текст требует обширного научного комментария, предисловия и введения в каждое Евангелие, то есть легкость языка оказывается мнимой и не сокращает путь к читателю.

